

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Иванович Куприн

Поход

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2472705

Аннотация

«Пехотный Инсарский полк выступает в ночной поход после дневки в большой деревне Погребищах. В темноте ненастного осеннего вечера идет странная, кипучая и осторожная суতোлка. Слышно, как вдоль всей широкой и грязной деревенской улицы сотни ног тяжело, торопливо, вразброд, шлепают по лужам, раздаются сердитые, но сдержанные окрики, лязгает и звенит железо о железо. Кое-где мелькают фонари; и желтые, расплывающиеся в тумане пятна точно сами собой держатся высоко в воздухе, раскачиваясь и вздрагивая...»

Александр Иванович Куприн Поход

Пехотный Инсарский полк выступает в ночной поход после дневки в большой деревне Погребищах. В темноте ненастного осеннего вечера идет странная, кипучая и осторожная суতোлка. Слышно, как вдоль всей широкой и грязной деревенской улицы сотни ног тяжело, торопливо, вразброд, шлепают по лужам, раздаются сердитые, но сдержанные окрики, лязгает и звенит железо о железо. Кое-где мелькают фонари; и желтые, расплывающиеся в тумане пятна точно сами собой держатся высоко в воздухе, раскачиваясь и вздрагивая.

Солдаты собираются быстро и с охотой. Утомленные длинными переходами, оборвавшиеся, исхудалые, они рады тому, что завтра с последним корпусным маневром кончится давно надоевший лагерный сбор и полк повезут по железной дороге на зимние квартиры. Хотя днем никто не ложился, но все чувствуют себя бодро. Той озлобленной, вычурно-скверной ругани, которую только и можно услышать между матросами, солдатами и арестантами, сегодня со-

всем не слышно.

Подпоручик Борис Владимирович Яхонтов, младший офицер седьмой роты, в первый раз участвует на больших маневрах, и они еще не утратили для него своеобразной прелести кочевой жизни. Все ему продолжает нравиться: ежедневная перемена местности, деревень, лиц и оттенков в наречиях; девки в опрятных малорусских хатах, наполненных душистым запахом чабреца и полыни, стоящих пучками за иконами; ночлеги на голой земле, под низкой, в форме карточного домика, палаткой, сквозь полотно которой нежно и неясно серебрятся звезды; здоровый аппетит на привалах под затяжным дождем, освежающим тело и заставляющим щеки приятно и сильно гореть... Предстоящий сегодня ночной переход заранее возбуждает Яхонтова своей необычностью. Идти бог знает куда, по незнакомым местам, глухой, дождливой ночью, ничего не видя ни впереди, ни рядом; идти таким образом не одному, а вместе с тысячью других людей, представляется ему чем-то серьезным, немного таинственным, даже жутким и в то же время привлекательным.

Вечером он провозился над отправкой своих вещей, опоздал в строй и теперь торопится поспеть к роте раньше, чем его отсутствие заметит ротный командир. Но найти свою роту ночью гораздо трудно, чем

это казалось днем, во время пробного сбора. На пути то и дело попадаются какие-то заборы и канавы, которых днем не было; а ночь так темна, что невольно хочется закрыть глаза и идти ощупью, протянув вперед руки, как ходят слепые.

Седьмая рота раньше других подтянулась к сборному пункту. Последние, запоздавшие люди, подоткнув полы шинелей под пояса, сбегаются к строю и протискиваются в свои ряды, задевая товарищей ранцами и гремя медными баклагами о ружейные стволы. Голоса звучат глухо, безжизненно и однообразно, точно они выцвели, потеряли силу в этом осеннем дожде.

– Куда прешь? Нешто не видишь, что в чужой взвод втесался? Экой какой ты, братец, право, косопузый!.. Да ну, ворочайся, что ли, орясина. О, щоб тобі лысого батька, трясца твоей матери!..

– И чего ты крутишься, Сероштан? – укоризненно тонким голоском замечает унтер-офицер Соловьев неуклюжему солдатику, который никак не попадет в свое место. – Чего ты все крутишься? Вертит тебя, словно навоз в проруби, а чего – неизвестно. Да обуи глаза-то, че-ерт!

Некоторые солдаты движениями плеч и локтей подкидывают на себе и поправляют удобнее ранцы, уминают складки шинелей и туже подпоясывают ремни,

помогая друг другу.

– А ну-ка, земляк, стяни мне сзади шинель! Потуже, потуже, не бойся, не лопну. Да ты коленкой-то, коленкой в спину упрись. О-о-о, так, так! Ну, вот теперь ладно. Спасибо вам, землячок!

Старый солдат, «дядька» Веденяпин, запевала и общий увеселитель, балагурит вполголоса.

– Ну, ребяташки, завтра сабаш маневрам. По-о-ехала седьмая рота по чугунке. Уу-у-ух! – протягивает он, подражая паровозу. – А какая у меня, братцы, в городе баба осталась, – сахар! Сейчас она мне это пирогов напекет, за водочкой сбегает, самоварчик взбодрит. «Пожалуйте, мол, батюшка, Фрол Иваныч, господин Сквородин, по прозванью Веденяпин... откушайте, сделайте милость!..»

– А казалы хлопци, що завтра горилку будут давать, – неожиданно произносит хриплым голосом ленивый и тупой рядовой Легкоконец.

– Горилку? – язвительно подхватывает Веденяпин. – Это, братец, у нас в Туле называется: захотела кобыла укусу...

Немного в стороне от роты, на пригорочке стоит ротный командир, штабс-капитан Скибин. Около него горнист держит на высокой палке фонарь, который бросает на землю неровное, мутное, движущееся пятно. Василий Васильевич Скибин – мужчина высо-

кий, костлявый, сутуловатый, длиннорукий и весь какой-то неловкий. От его наружности, от нерешительного, близорукого взгляда, от беглой улыбки, даже от шаткой, приседающей походки веет чем-то слабым, удрученным, недоброжелательным и жалким. В нем есть что-то бабье, старушечье. Говорит он тихо, мягким и сиплым, точно усталым голосом, но почти всегда вещи неприятные и злые. Всему полку известно, что его жена худая, гибкая дама, похожая на ящерицу, – вот уже четыре года как влюблена в поручика Вержбицкого, влюблена открыто, ревниво и бестолково. Вероятно, благодаря этому обстоятельству Василий Васильевич с особенной нелюбовью относится к молодым офицерам.

Яхонтов подошел к фонарю и, остановившись в двух шагах от Скибина, приложил руку к фуражке. Ротный командир заметил его и, глядя ему в кокарду, сказал своим вялым, утомленным голосом:

– Если вам угодно опаздывать, подпоручик, переводитесь в другую роту. Здесь у меня не танцевальный вечер, а служба-с. Иначе я подам командиру полка рапорт, чтобы вас из моей роты убрали. Да-с! Мне эти мазуристы и дамские хвосты не нужны.

Он помолчал немного, затем повернул к двум другим офицерам свое унылое, худое лицо с дряблой кожей и толстыми усами и продолжал только что пре-

рванную речь:

– Господ офицеров прошу на походе мест своих не оставлять. Поручика Тумковского прошу... Где вы, поручик, я вас не вижу?.. Ага!.. Так вы, поручик, пожалуйста, обращайтесь внимание на фонарь в хвосте шестой роты и держите от него дистанцию. Да наблюдайте, господа, за тем, чтобы солдаты не спали на ходу. А то, знаете, задремлет, подлец, и полетит вместе с ружьем. Впрочем, я сам... Грегорах! – кидает он куда-то в темноту.

Это восклицание услужливо подхватывается в ближних рядах и быстро перекачивается из взвода во взвод.

– Фельдфебеля к ротному! Фельдфебеля к командиру! Тарас Гаврилыч, пожалуйста к ротному!..

Фельдфебель Грегорах, преувеличенно спеша и разбрасывая далеко вокруг себя грязь, подбегает на согнутых ногах, точно подплывает к фонарю.

– Я, ваше благородие!

– Чтобы люди на ходу не спали! От строя чтобы никто не отлучался. Скажешь унтер-офицерам, чтобы смотрели. Слышишь?

– Слушаю, ваше благородие! Так что я уж объяснял им...

– Молчи! Затем прошу вас, господа, наблюдать, чтобы люди не курили, не зажигали спичек, не разго-

варивали и вообще не шумели... А то нас может заметить неприятель, – прибавляет Скибин с едва заметной насмешкой, Грегораш, ты у меня за это отвечаешь. Слышишь?

– Слушаю, ваше благородие! Так что я...

– Молчи! Главное, господа, чтобы люди не спали. Выколют, каналы, друг другу глаза, а ты потом за них отдувайся. Подпрапорщик Москвин, вы будете замыкать роту. Смотрите, чтобы не было отсталых. Да, вот еще что. Сзади роты пойдет вот этот болван (Скибин показывает через плечо большим пальцем на горниста), так, пожалуйста, поглядывайте, чтобы он нес фонарь светом назад, к восьмой роте. Это тоже... от неприятеля. Затем-с... Впрочем, кажется, все. Прошу вас, господа офицеры, по местам!

Офицеры расходятся. Скибину подводят его лошадь, старую, гнедую, одноглазую кобылу, купленную нарочно для маневров из кавалерийского брака. Зовут ее Настасьей. На ходу она держит шею гусаком, высоко подымает разбитые шпатою ноги и так задирает назад голову, точно что-то разглядывает на небе (таких лошадей зовут в кавалерии звездочетами). Скибин долго прыгает вокруг нее на одной ноге, осыпая руганью и лошадь и горниста, и, наконец, грузно вваливается в седло.

Рота готова к выступлению. Но проходит десять,

двадцать минут, полчаса, а стоящая впереди шестая рота не трогается с места. Это беспричинное, вынужденное бездействие в темноте, под дождем, начинает тяготить и беспокоить людей. Они нетерпеливо переминаются с ноги на ногу, вздыхают и молчат.

– Черт их знает чего они там застряли?! – говорит вслух, но точно сам с собою Скибин, проезжая медленно вдоль роты и поталкивая каблуками упирающуюся лошадь. – Вечное безобразие!

Стоящий неподалеку фельдфебель вежливо откашливается и тоже, как будто бы размышляя вслух, говорит:

– Должно быть, мы первую бригаду вперед пропускаем. А то чего же стоять!..

– Первую бригаду! – сердито возражает Скибин, останавливая лошадь. Так на то есть расписание, кому когда выступать, чтобы потом не выходило ерунды. Вообще постоянно эти «моменты»¹ что-нибудь напутают.

В его голосе Яхонтову слышится всегдашняя зависть пехотного строевика к штабным офицерам, а также и доля уверенности в том, что если бы ему, Скибину, было поручено это дело, то все устроилось бы очень скоро, просто и хорошо.

Проходит еще несколько томительных минут. Ше-

¹ Офицеры главного штаба – Прим. А. И. Куприна

стая рота вдруг зашевелилась, зашлепала ногами и как будто бы затопталась, не сходя с места. Только по движениям фонаря, заколебавшегося вверх и вниз, можно было судить, что она не стоит на месте, а тронулась вперед. Скибин поворачивается к строю и произносит вполголоса, небрежно сливая слова:

– Ружья вольно, шагом-марш!

Через четверть часа весь полк медленно вытягивается вдоль широкой почтовой дороги. Ни людей, ни лошадей не видно в ночном мраке, только еле-еле мерцает впереди длинная цепь фонарей, которыми каждая рота показывает дорогу следующей за ней части.

Неудобства ночного похода скоро дают себя знать. Через каждые двести триста шагов происходят задержки. Передние ряды то и дело останавливаются, а задние не видят этого и напирают на них. Потом вдруг между взводами образуются слишком большие расстояния. Тогда заднему взводу приходится догонять передний, и люди бегут тяжело, с усилиями, громыхая на бегу баклагами, лопатами и патронными сумками, бегут, ничего не различая в темноте, наугад, до тех пор, пока не навалятся на передних, Отделения давно уже перемешались, но никому не приходит в голову восстановить порядок. Все сильнее и сильнее сказываются утомление, тревога, скука и насильственная

бессонница. Люди молчат, но в этом молчанье чувствуется нервная напряженность. Слышно только, как множество сапог месит грязь, влезая в нее и вылезая с жирным чавканьем, сопением и чмоканьем. И Яхонтову думается, что, должно быть, точно таким же образом пятьсот, и тысячу, и пять тысяч лет тому назад водили по ночам своих пленников суровые и равнодушные победители. Вероятно, так же угрюмо и тревожно молчали усталые люди, так же беспорядочно и озлобленно надвигались они друг на друга при остановках, так же чмокала под их ногами размякшая земля, и так же падал на них частый осенний дождь.

– Эх, братики, покурить бы теперь! – вырывается со вздохом у «дядьки» Веденяпина.

– Я тебе покурю, каналья! – неожиданно отвечает откуда-то из темноты суровый бас фельдфебеля. – Ты у меня покуришь, прохвост!

Ровная до сих пор дорога начинает опускаться. Яхонтов замечает это по тому, что его ноги теряют устойчивость и скользят вперед, так что поневоле приходится выворачивать ступню боком. Потянуло острой и холодной сыростью, точно из глубокого подвала, и тотчас же под ногами заходил и задрожал деревянный мост. Где-то внизу, в черной воде без берегов, отразился на мгновение длинным волнистым хвостом свет фонаря.

– Подпоручик Яхонтов, это вы? – слышит Яхонтов над собой голос ротного командира. – Не хотите ли сесть на лошадь, а я покамест пешком пройду. Что-то ноги затекли.

Яхонтову кажется подозрительной эта внезапная любезность, но он охотно соглашается. Когда он опускается в седло, то внутри лошади что-то глубоко и глухо крикает. Потом Настасья медленно вздыхает, широко разводя боками, точно и ей сообщилось тоскливое беспокойство, нависшее над людьми. Яхонтов трогает ее каблуками, и она начинает осторожно перебирать ногами, вытаскивая их из вязкой глины с такими звуками, какие бывают, когда откупоривают бутылки.

Вдалеке, на самом краю темного горизонта, вдруг показывается маленький огонек, который все разрастается по мере того, как рота подвигается вперед. Наконец можно ясно разобрать, что это – большой двухэтажный дом. Весь низ его освещен изнутри очень ясно, по-праздничному, а в верхнем этаже светятся – но гораздо бледнее – только два крайних левых окна. Яхонтов глядит на эти светлые, веселые пятна и думает о тепле, свете и довольстве, которое испытывают живущие в этом доме люди. Воображается ему большая и дружная помещичья семья, сытая, веселая жизнь, танцы, смех, общество нарядных и краси-

вых женщин. И его собственная жизнь кажется ему в эти минуты такой же тяжелой, скучной и однообразной, как эта дождливая ночь, как эта бесконечная незнакомая дорога.

Впереди опять останавливаются. Слышно, что в рядах шестой роты происходит какая-то странная возня. Несколько голосов говорят быстро, громко и разом. Слов нельзя разобрать, но заметно, что кто-то бранится и кто-то оправдывается. Яхонтов продвигается вперед и по отблеску фонаря, скользнувшему по офицерским погонам, узнает Тумковского.

– Что там такое, Иван Мартиньянович? – спрашивает он, наклоняясь с лошади.

– А, дуся моя, это вы? – говорит сладко, как всегда, Тумковский, и по звуку его голоса видно, что он поднял голову вверх. – Не знаю, золото мое! Какой-то олух на штык напоролся. Да вот его тащат в линейку.

Фонарь на секунду освещает двух солдат, ведущих под мышки третьего, который отрывисто, точно с наругой, стонет и держится руками за лицо.

– В глаз, что ли? – вяло спрашивает Скибин. – Чего же ты молчишь, дурак?

Трое солдат останавливаются.

– Слышишь, тебя спрашивают, в глаз, что ли? – громко, как к глухому, обращается к раненому один из провожатых.

– Так что... не могу знать, – тусклым, надсаженным голосом с запинками отвечает тот и отнимает ладони от лица. – Дуже больно, ваше благородие, не можно вытерпеть...

– Чего же ты лез на штык, идиот? – так же вяло замечает Скибин. – Сам и виноват, дурень. Ну, проходи, проходи!

И он прибавляет поучительным тоном, обращаясь к Тумковскому:

– Вот теперь из-за такого ротозея влетит ротному командиру. А чем, спрашивается, ротный виноват?.. Порядки!..

Яхонтов низко нагибается к раненому и вглядывается в его лицо. В темноте нельзя даже разобрать отдельных черт, но молодому офицеру кажется, что у солдата вместо правого глаза – огромное, с кулак величиною, черное отверстие. И, вместе с чувством брезгливой жалости, Яхонтов ощущает у себя в пальцах ног и в низу живота какую-то противную, щекоющую и раздражающую боль.

Солдата уводят, и опять возобновляется тягостное, молчаливое движение. Из всей роты энергию сохранил только один фельдфебель. Время от времени Яхонтов слышит, как он пробирает в середине роты задремавшего солдатика:

– Заснул? Деревню бачил во сне? Может, подушку

тебе принести?

И затем приговаривает шипящим голосом сквозь стиснутые зубы:

– А вот не спи, не спи, не спи, не спи!

Между тем Яхонтов уже давно начинает испытывать странное и чрезвычайно неприятное ощущение. Ему все кажется, что лошадь не идет под ним, а только качает взад и вперед спиной и топчется ногами на одном и том же месте. Напрасно он старается уверить себя в ложности этого удивительного ощущения, наклоняясь вниз и напрягая зрение, чтобы увидеть дорогу, лошадь продолжает раскачиваться и вытаскивать ноги из грязи, не сходя с места и не делая ни одного шага вперед.

– Черт! Да мы идем или стоим? – воскликнул Яхонтов и вдруг сам похолодел от своего испуганного голоса.

Из рядов кто-то ответил ему коротко и угрюмо:

– Ползем!

В этом грубом, совсем несолдатском ответе Яхонтову послышалось что-то новое и зловещее, какая-то покорная и безнадежная усталость, какой-то общий упадок духа, который точно окончательно уничтожил всякую разницу между солдатом и офицером. И Яхонтов, вместо того чтобы сделать выговор, только растерянно обернулся в ту сторону, откуда послышался

этот ответ.

А лошадь все так же бесцельно качала спиной и тыкала в одно место ногами. Яхонтову стало жутко. Это ощущение так походило на один из нелепых, изнуряющих лихорадочных снов, в которых торопишься куда-нибудь и с отчаянием чувствуешь, что не можешь шевельнуть ни рукой, ни ногой. И едва только Яхонтову пришло в голову это сравнение, как все вдруг стало похожим на сон. Весь этот ночной переход, и безмолвно покорные солдаты, и уходящая далеко-далеко цепь фонарей, и давешний раненый солдат, и вялая озлобленность Скибина, и тоскливая дорога с ее тьмой, сыростью и холодом, – все это представилось ему каким-то грозным, давно забытым бредом, который повторяется теперь с прежней силой и прежним ужасом.

– Ах, ведь все это было, было... – прошептал Яхонтов. – Господи, что же это такое!

Он слез с лошади, отдал ее горнисту и, перегоняя солдат, прошел на правый фланг. Там, в промежутке между ротами, где было светлее от фонаря и просторнее, шли рядом, разговаривая вполголоса, Скибин и Тумковский.

– Я отдал лошадь горнисту, – сказал Яхонтов.

– Отлично, – бросил ему рассеянно Скибин. – А я вам скажу, поручик, повернулся он торопливо к Тум-

ковскому, – что эти маневры – один только разврат и антимония. Может быть, для генерального штаба оно и нужно, а солдаты только распускаются и теряют выправку. Да и для офицеров лишнее. Какой, к черту, это неприятель, когда вы отлично видите, что это поручик Сидоров, у которого вы вчера заняли три рубля? Вы командуете: «Прямо, по колонне пальба взводом», а вам решительно наплевать, как солдаты целятся, и укрыты ли они от огня, и все такое...

– Совершенно верно, дорогой Василий Васильевич, – согласился Тумковский. – А я вот читал где-то или, кажется, слышал, что один генерал предложил раздавать во время маневров в числе холостых патронов какой-то там процент боевых. Что-то такое, один на десять тысяч, не помню хорошенько...

– Ах, глупости! – досадливо протянул Скибин. – Никакие тут патроны не нужны. Какие тут, к черту, патроны, когда теперь солдаты вроде институток стали: пальцем его тронуть не смей. А по-моему, бить их, подлецов, нужно, вот что нужно! Прежде у нас и Суворовы были и Севастополь, а почему? Потому что десятерых засекали, а из одиннадцатого делали солдата. Прежде, батенька, солдат пять лет служил, а все еще молодым солдатом считался. Вот это была служба-с!.. А теперь... Эх!

– Теперь прямо – пансион благородных девиц, –

услужливо подхватил Тумковский, – гуманисты какие-то пошли, либералы. Попробовали бы эти либералы с нашими скотами повозиться, небось у самих руки бы опухли от битья. А то, изволите ли видеть: ударишь какую-нибудь сволочь, да и ударишь-то не больно, почти в шутку, а он сейчас: «Ох!» – «Что такое?» «Ничего не слышу на правое ухо...» И сейчас тебя под суд. За истязание нижнего чина, имевшее последствием, и так далее. А он, мерзавец, лучше нашего слышит.

– Потому что дураки! – возразил презрительно Скибин. – Кто же так делает, при свидетелях? Нет, ты его сначала позови в цейхгауз или к себе на квартиру, да там и поговори как следует. Поверьте, потом сам всю жизнь благодарить будет, что под суд не отдали. Суд-то его куда законопатит, а ты начистил ему морду, и все тут. А что ему морда?..

Они еще долго тянут этот разговор, точно стараясь не уступить друг пруту в равнодушной жестокости к солдату, в презрительном отношении к своему делу, в пренебрежительной насмешке над высшим начальством. В этих пошлых, холодных и злых фразах Яхонтову опять слышится что-то похожее на тот страшный бред, который он испытал несколько минут тому назад, и на душе у него делается пусто и противно до тошноты. Тем же тусклым, утомительным, давно-дав-

но знакомым бредом представляется ему и вся его военная карьера, и безрадостное детство, прошедшее в больших казенных домах, и ждущая впереди серенькая жизнь, и его собственные, теперешние мысли – такие бледные, бессильные и тоскливые.

А рота все идет и идет по грязной почтовой дороге, и кажется, что никогда не будет конца этому движению, что какая-то чудовищная сила овладела тысячами взрослых, здоровых людей, оторвала их от родных углов, от привычного, любимого дела и гонит – бог весть куда и зачем – среди этой ненастной ночи...

Недалеко до рассвета. Понемногу вырисовываются из темноты серые, измятые, глянцевитые от тумана и от бессонницы солдатские лица. Все они похожи одно на другое и выглядят еще суровее и покорнее в слабом и неверном утреннем полусвете.